

Второй раз я стучу в дверь номера 1507. Открыл дверь снова не он, а мужчина в костюме, средних лет.

Си Сичэнь сидел на диване, перелистывая какие-то документы. В белой хлопчатобумажной рубашке и очках с серебряной оправой он выглядел неопишимо мягким и интеллигентным. Я впервые увидела его таким.

— Господин Си, к вам пришли.

Си Сичэнь поднял голову. Увидев меня, он сразу отложил документы и подошел со слабой улыбкой на лице.

Сперва он обратился к мужчине:

— С этим проектом всё в порядке, можно выполнять, возвращайтесь и сообщите всем на собрании.

Мужчина кивнул, взял бумаги с журнального столика и ушел.

Я поставила купленные лилии в вазу, что была в номере, и подумала: «В конце концов, я навещаю больного».

— Похоже, плохо работать на больничном.

Си Сичэнь на мгновение замер, и улыбка в его глазах стала сильнее:

— Могу ли я рассматривать твои слова как беспокойство?

— ...

Си Сичэнь вздохнул:

— Знаю, ты сейчас изо всех сил стараешься смириться со мной, а я чрезмерно тороплюсь... — он смотрел на меня прямым взглядом, — Но, Аньцзе, мое сердце всегда было жадным, — Он криво улыбнулся: — Боюсь, даже сейчас я не могу сдерживаться.

— Что же ты хочешь, чтобы я сделала? — вздохнула я. Забыла сказать, что иногда он похож на ребенка, а дети больше всех ненасытны и изворотливы. Никогда не знала, что у недосягаемого Си Сичэня была такая сторона. На самом деле, раньше я не смогла бы представить его таким.

Улыбка Си Сичэня стала шире, он поправил мои длинные волосы, ниспадающие до талии:

— Нет, ты же знаешь, что тебе ничего не нужно делать. Я не буду принуждать тебя, и не буду переворачивать с ног на голову твою жизнь и твои понятия. Просто ты, такая, как сейчас, уже дар небес для меня. Но людская жадность не имеет границ, особенно когда думают о подобных вещах слишком долго, слишком долго... — он поднял голову, его взгляд был таким смелым и самонадеянным. Я вдруг слегка занервничала, невольно выпрямившись и посмотрев на него. — Я лишь надеюсь, что когда я буду расплачиваться, ты не оттолкнешь, не заставишь чувствовать, что я играю театр одного актера.

Он опустил голову и взглянул на мою руку:

— Болит рука? Что случилось? — он взял мою правую руку, слегка нахмурил брови и посмотрел на неглубокую рану на тыльной стороне кисти. Он хотел коснуться, но не сделал этого.

Я попыталась вырвать, но безрезультатно, осталось только смириться:

— Когда покупала цветы, случайно поцарапалась, — раньше Е Линю всегда нравилось дарить мне цветы, ни один праздник не пропускал. Потом я уехала во Францию, и у меня появилась привычка самой покупать цветы. Рана появилась сегодня, в цветочном магазине. Я порезалась о стеклянную вазу, невнимательно доставая из нее цветы и не заметив скол.

Си Сичэнь задумчиво посмотрел на букет свежих лилий на столе перед окном.

Затем он повел меня на обед в ресторан отеля. Он время от времени кашлял, прикладывая руку ко рту. Как только мы сели в ярко освещенном ресторане, я попросила принести официанта теплой воды. Мне действительно не нравился его кашель.

— Ты принимал таблетки от простуды?

— Вчера вечером, а сегодня пока нет, — ответил он.

Мы сделали заказ, и официант, уходя, кинул фразу:

— Вы такая красивая пара.

Французы очень романтичны и всегда говорят без оглядки. Я надеялась, что он не понял, что тот сказал. Но, очевидно, я, как всегда, его недооценивала.

Си Сичэнь смотрел на меня и улыбался уголками губ.

Сейчас я немного скептически подумала о его честности, когда он говорил 'немного понимаю французский'.

Он, казалось, мог видеть меня насквозь:

— Я и правда совсем чуть-чуть знаю французский, могу понять, что мне говорят, но говорю и пишу не очень хорошо, — он произнес, мягко посмотрев на меня: — Он сказал, что мы пара, а ты не возразила.

Я всего лишь не считаю нужным объясняться перед незнакомыми людьми, неважно, недоразумение это или правда. В любом случае, это не более, чем случайная встреча. Но его, тем не менее, захватила эта идея :

— Аньцзе, я так счастлив.

Я машинально сложила салфетку на колени:

— Ага.

— Мы теперь вместе, так ведь?

Его сказанное "вместе" было в буквальном смысле, я не возразила. Но я понимаю, что он не...

— Си Сичэнь, когда ты стал так всего бояться?

— Из-за тебя я живу в постоянном беспокойстве, — он взял мою руку, лежащую на столе, его ясные глаза потемнели, — Аньцзе, у нас ведь уже есть отношения? По крайней мере, я думаю, ты уже позволила мне начать.

Я немного смутилась, моя рука дернулась, но я ее не выдернула:

— Тебе не кажется... что это слишком быстро?

— Не кажется.

— Будет ли мне позволено сказать, что ты принуждаешь людей делать то, что они не желают делать? — я невольно вздохнула.

Он поднес мою руку к губам, закрыл глаза и тихо вздохнул:

— Я действительно... скучал по тебе, очень сильно скучал.

Меня, казалось, что-то притягивало, я даже шевельнуться не могла, просто позволила ему

целовать мою руку. Не знаю, как долго, до последнего не могу четко вспомнить, что отвечала ему. Я лишь смутно помню, что он сказал:

— На будущее: не покупай цветы. Несмотря на то, что мне дороги все твои подарки, пожалуйста, позволь мне дарить цветы.

После обеда я вернулась в кампус. Он хотел привезти меня, но я отказалась. Его все еще немного лихорадило, и голос все еще был хриплым. И он, казалось, в самом деле меня понял и не настаивал.

Как только я вошла в комнату, сразу увидела, как Лян Айвэнь и другая иностранка, Одри, сидели вместе на кровати и болтали. Одри рассказывала о каком-то скучном немце:

— Он не занимается со мной любовью.

— Немецкие мужчины серьезные, но если собрать их вместе, они превращаются в толпу сумасшедших. Не зря же они развязали две мировые войны? — сказала Лян Айвэнь.

— Я бы предпочла, чтобы он был сумасшедшим!

Я прошла мимо них и зашла в ванную помыть руки.

— Мужчины непостоянны, разве Карл не встречается сразу с тремя девушками одновременно, и Кен тоже! — говорила недовольная Лян Айвэнь.

— Кен? Думаю, он звонил мне, — довольно засмеялась Одри.

— Цзян Анастасии пренебрегает мужчинами, которых ты оторвешь с руками.

Им все равно, что я находилась здесь, и смело разговаривали.

— В прошлый раз я видела того азиата, которого можно назвать исключительным! К сожалению... — сказала Лян Айвэнь с огромным сожалением в голосе.

Как только я вытерла руки, в сумке зазвонил телефон. Я взяла трубку. Конечно, это был он.

— Добралась? — сказал он нежно.

— Да

— Все в порядке? — слышать его немного непривычно. Должно быть, это первый наш спокойный разговор по телефону.

— Да

— Аньцзе, — тихо произнес он, — сможешь прийти завтра пораньше? Если ты не будешь занята своей выпускной работой, сможешь приехать ко мне?

— Есть причина?

— Нет, просто хотел, чтобы ты приехала, или я могу сам приехать? — он тихо усмехнулся, словно ему было немного неловко.

Я смотрела на листья орхидеи на умывальнике и тихо прошептала:

— Мы поговорим об этом в другой раз.

На той стороне я услышала вздох:

— Хорошо. Не клади трубку... Разве ты не хочешь мне что-то сказать?

— Что? — подумав о том, что мы только недавно стали парой, я смутилась. Я не привыкла к подобным любовным разговорам.

— Ничего, — он сделал паузу и сказал прежним нежным голосом, — тогда завтра еще поговорим.

— Хорошо.

Я повесила трубку, и какое-то время просто держала телефон, потом повернулась и обнаружила, что Одри, облокотившись о дверной проем ванной комнаты, смотрит на меня:

— Мужчина?

Я только улынулась, ничего не ответив. Обошла ее и села за свой письменный стол.

— Я говорила, что ты не такая уж и смиренная. А они и правда думают, что ты реинкарнация Марии, — сказала Одри.

Я не отвечала, просто сидела и читала книгу.

На следующий день я рано проснулась. Как только взяла телефон, я увидела сообщение от тети. Она уже приехала во Францию. От неё было три пропущенных звонка. Удивляться не было времени. Быстро переодевшись, я поехала в аэропорт.

Тетин рейс прибыл в восемь часов, а сейчас уже было полдевятого.

Эта огненно-рыжая цветущая красавица у дверей аэропорта заставила меня улыбнуться. Увидеть ее — самое приятное.

Увидев меня, тетя быстрыми шагами подбежала ко мне:

— Аньцзе!

— Как ты так внезапно приехала?

— Сюрприз! Удивлена? — тетя рассмотрела меня с ног до головы, — Я получила посылку, что ты отправляла. Увидев твою одежду, я особенно заскучала по тебе. Так получилось, что в компании выпала пара дней выходных, вот я и приехала!

Знакомый голос придавал мне уверенности:

— Устала? Поехали сначала поищем отель, чтобы ты отдохнула?

— Не нужно, я уже в самолете хорошенько выспалась, чуть подушку не уронила. Лучше найдем какую-нибудь кофейню, посидишь и поболтаешь немного с тетей.

Одно из самых красивых кафе Парижа расположено на берегу Сены, там можно наблюдать восход и закат.

Тетя посмотрела на меня и сказала:

— Аньцзе, ты кажешься немного счастливей. Сначала я беспокоилась, что в этот раз при твоём возвращении повторятся те случаи, и это будет трудно вынести. Видеть тебя такой, не важно, по какой причине, тете намного спокойнее.

— Я такая счастливая, потому что тебя увидела, — и это чистая правда.

Тетя засмеялась:

— Ты счастлива, глядя на меня, но это другое.

Не понимаю, в чем разница.

Телефон на кофейном столике включился. Я проверила, там было сообщение от Си Сичэня:

[Ты приедешь?]

Я ответила:

[Не приеду, дела.]

Тетя подождала, пока я отложу телефон, и сразу спросила:

— Кто это? Пу Чжэн?

Я немного подумала и спросила:

— Тетя, ты еще помнишь Си Сичэня?

— Племянник Чэн Цзин.

— Да. В последнее время я постоянно думаю об одной вещи. Возможно ли, что это он отправлял тебе деньги, которые ты получила в свое время? — в конце концов, я учла прошлый жизненный опыт, когда чудом выжила. Что, если окажется, что вообще все благодаря ему? Тогда как, в конечном счете, мне расплатиться с ним?

Тетя спросила:

— Он сейчас во Франции?

— Да

— И ты сейчас ему отправляла смс?

— Да

Тетя легонько вздохнула:

— Аньцзе, я доверяю тебе, верю, что ты знаешь, что делаешь.

Я подумала над этой формулировкой и сказала:

— Дело не только в деньгах. Меня задержали для проверки по делу о самоубийстве моей соседки по комнате. Тетя, ты тогда была в Германии и не могла приехать. Однако адвокат ходатайствовал по этому делу и меня отпустили под залог. Он сказал, что это была государственная юридическая помощь. Вначале я не знала, но потом выяснила, что французское государство не настолько щедрое и заботливое. Кроме того раза, когда меня сбили.

Тетя сдвинула брови, в выражении лица появилась доля серьезности:

— Этот Си Сичэнь... Шесть лет назад я лишь пару раз его выдела. Сказать по правде, он не тот человек, с которым легко сблизится. На самом деле, если тебе нужна аналогия: ты, Аньцзе, лишь внешне не любишь людей, а он холодный до костей.

— Тетя, что ты хочешь сказать, - тихо вздохнула я.

— Аньцзе, единственное, что ты рассказывала мне о нем, это то, что он долгое время держался от тебя подальше, и каждый раз, просыпаясь ото сна, испытываешь чувство вины. Ты раньше ненавидела его, не так ли?

Я пристально наблюдала, как плавает лед в стакане, стоящем на столе.

— И ты теперь хочешь превратить ненависть в любовь?

Я посмотрела в пытливые и взволнованные глаза тети:

— Тетя...

— Хоть я не особо представляю себе, кто такой этот Си Сичэнь, но, Аньцзе, я могу ясно тебе сказать, что он тебе не подходит. Он сложный, да, слишком сложный. Если все, как ты говоришь, или даже больше, действительно контролируется им, то я могу только сказать, что он действительно обладает большой властью.

Си Сичэнь стоял перед окном и листал французский словарь, который я держу у кровати. Он был одет в легкий повседневный костюм кофейного цвета, сбоку его освещал красный свет заката, а его мягкие черные волосы падали на лоб, скрывая глаза.

Я проводила тетю до отеля и вернулась в кампус. Я хотела прийти переодеться, взять ноутбук и сразу уйти. В итоге вошла в комнату и увидела его.

Я ненадолго замерла, пока он не обернулся.

— Где... соседка?

Он положил словарь у изголовья кровати:

— Она вышла, — просто ответил он.

— Прогоуляешься со мной? — он подошел и взял меня за руку. Его тон был таким мягким, что трудно отказать. Порой я думаю, что на самом деле Си Сичэнь намного более властный, чем Е Линь.

Вечером в кампусе было тихо, небо еще не совсем потемнело, и его глубокий синий цвет все более и более походил на бархат. В тишине вокруг стояли здания в романском стиле, уличные фонари по обе стороны дороги зажигались по очереди, теплый свет отражался в опадающей листве лип, рядами посаженных вдоль дороги.

— После выпуска я поеду в Финляндию, — я подумала, что стоит сказать ему об этом.

Он крепко сжал мою руку.

Я, ни на что не обращая внимания, сказала:

— Когда ты возвращаешься в Китай?

— Твоя тетя тоже приехала во Францию? — Си Сичэнь остановился, протянул руку и убрал пару прядей моих волос за ухо.

Разговоры между нами всегда были путанными и нескладными, уходящие от прямого ответа. Через некоторое время я ответила:

— Утром приехала, — не спрашивая, откуда он это узнал. Многие вещи словно стали правилом. Он не говорит, а я не спрашиваю.

— Если это тетя Цзянь Аньцзе, тогда не должен ли я навестить её?

— ...

Си Сичэнь слегка улыбнулся:

— Когда ты говоришь со мной, тебе каждый раз нужно думать, что сказать? — он скользнул кончиками пальцев по моей левой щеке.

Я вздрогнула от холодных пальцев и отвернула лицо.

В этот момент я почувствовала, как рука передо мной замерла. И услышала, как он сказал знакомым тоном:

— Понятно.

Мне вдруг стало нечем дышать, захотелось высвободиться из его руки, но он не дал:

— Зачем ты пришел ко мне? — в этот момент мне лишь хотелось сказать что-то, что нарушило бы это уныние, мне не нравится неизвестность.

— Я никогда не приходил к тебе по каким-то делам, — в его голосе была боль, — я лишь хотел увидеть тебя, только и всего.

Я смотрела на него, ничего не говоря. На самом деле, я и не знала, что следует сказать.

— Ты уедешь в Финляндию, я вернусь в Китай, разве мы с тобой не увидимся больше?

Его слова меня почему-то разозлили. Я просто рассказала ему о своих планах на будущее.

Я с силой выдернула руку, и как только повернулась, он крепко обнял меня сзади:

— Аньцзе, мы поссорились, да?

Я была поражена его действиями, и еще больше его словами.

Поссорились, а не язвительно насмехались.

Рука с талии сместилась на плечо, он повернул меня к себе, обхватил обеими руками мое лицо и легко меня поцеловал, очень нежно, словно дуновение ветерка по поверхности воды, легкое касание. Мне всегда не нравилось целоваться. На самом деле, когда Е Линь целовал меня, я просто позволяла себе не отталкивать его, только и всего. Но каждый поцелуй с Си Сичэнем всегда заставлял чувствовать необыкновенный шум в груди, даже такой нежный.

Я почувствовала на своей щеке слабый ветерок, несущий аромат незнакомых цветов.